

Дмитрий ЕРМАКОВ

ТАРКОВСКИЙ И ШУКШИН

Сергею КОЗУБЕНКО посвящаю

Художники существуют только потому, что мир несовершенен.

Андрей Тарковский.

Нравственность есть Правда. Не просто правда, а – Правда.
Ибо это мужество, честность, это значит –
жить народной радостью и болью...

Василий Шукшин.

От Рублёва до Разина,
От Тарковского до Шукшина –
Русский размах...

ВСТУПЛЕНИЕ

Он пришёл дать нам волю –
Не услышали...
Он призвал нас к вере –
Не поверили...
Ныне – слышим и верим... Как бы...

Василий Шукшин и Андрей Тарковский – выдающиеся кинорежиссёры.

И оба не только кинорежиссёры. Шукшин: актёр, писатель, драматург. Тарковский: автор книг по теории кино и дневника.

Оба, конечно, мыслители.

В чём-то – противоположности, но в чём-то и очень схожи.

Дмитрий Анатольевич ЕРМАКОВ родился в 1969 году в Вологде. Был рабочим, служил в армии, более десяти лет работал тренером дзюдо и самбо. Журналист, прозаик, автор десяти сборников прозы.

Его рассказы, повести, романы публиковались во многих российских журналах. Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

Оба неординарные, одни из самых ярких личностей своего времени. У каждого свой путь в искусство.

Шукшину надо было ещё добраться из далёкого Алтайского села до Москвы (и не только «физически», но и интеллектуально, морально, духовно дорасти до Москвы и высокой культуры).

Тарковский же с детства жил в Москве и в «культуре жил», казалось бы, но путь его в культуру был по-своему труден...

Почему-то утвердился слух о том, что между Тарковским и Шукшиным был конфликт... Они вместе учились, приятельски общались в молодости, а потом просто разошлись творчески и житейски. Так часто бывает. У каждого были свои планы, свои методы, своя жизнь.

Но не принимают многие поклонники Шукшина Тарковского (и не только поклонники Шукшина). Тарковский, мол, элитарен, непонятен, заумный, ещё и эмигрировал... Вот Шукшин бы никогда, ни-ни...

Да, пожалуй, Шукшин бы не эмигрировал, трудно представить его живущим на Западе... Да немного и Тарковский-то пожил...

Шукшин же, по мнению многих почитателей Тарковского, «зрителей-интеллектуалов» – слишком прост, кондов. Обвиняют его в есенинщине, обнимание берёзок припоминают обязательно... Лубок, мол, это всё...

У Тарковского, едва ли не с детства, любимый композитор – Бах.

Шукшину же необходимы были в фильмах застольные песни или балаечник-самородок в «Печках-лавочках», которого всё равно заставили «вырезать»...

Шукшин – реалист, Тарковский – символист.

Но оба и Шукшин и Тарковский шли и пришли к религиозному кино, христианскому. Как удивительным образом в то же время пришёл, почти сразу, к религиозному театру Александр Вампилов.

Хотя, что в этом удивительного: говори правду, «глаголом жги сердца людей» – и это будет нравственное, христианское кино, или литература, или театр. Главное – быть в этом честным. Они были честны...

Оба пробовали себя в разных жанрах. В историческом кино: Тарковский начал Андреем Рублёвым; Шукшин мечтал и вплотную уже готовился снять фильм о Степане Разине. Оба размышляли в своём творчестве о сегодняшнем дне, оба заглядывали в будущее...

То есть, пожалуй – история, или сегодняшний день, или будущее для них лишь фон, на котором они размышляют средствами кино (или литературы).

Тарковский хотел всё сказать в кино, считая его отдельным видом искусства.

Шукшин, наверное, тоже хотел сказать всё в кино, но, пожалуй, больше сказал в литературе. И говорил, что после «Разина» полностью уйдёт в литературу. Ушёл бы? Как знать...

Впрочем, вот запись в дневнике Тарковского за 1976-й год: «Пора отказаться от кино. Я созрел для этого. И начать книгу о детстве (сценарий «Белого дня» пойдет в дело)». А ведь впереди было ещё большинство его фильмов.

Оба нашли свой неповторимый киноязык (за который их и любят, и критикуют): «тарковская пауза», «шукшинские берёзки»... Проще некуда... А не повторить.

Оба ощущали свою жизнь как служение.

«Жизнь настолько трудна, что иногда, кажется, очень жаль, что ты родился на свет. Но иногда она дарит тебя такими удивительными вещами, ради которых и стоит жить. Так что вопрос о счастье для меня не стоит. Мне кажется, что этого вопроса вообще не существует», – говорил Тарковский. Он отказывался считать «счастье» главным, тем, к чему должен стремиться человек (имея в виду наше обычное представление о счастье)... Впрочем, так он считал только для себя и имел право так считать, ибо так и жил...

А вот, кстати, Шукшин сказал в одной статье («Монолог на лестнице») про счастье: «Одно время я был учителем сельской школы для взрослых. Учитель я был, честно говоря, неважнецкий (без специального образования, без опыта), но не могу и теперь забыть, как хорошо, благодарно смотрели на меня наработавшиеся за день парни и девушки, когда мне удавалось рассказать им что-нибудь важное и интересное (я преподавал русский язык и литературу). Я любил их в такие минуты. И в глубине души не без гордости и счастья верил: вот теперь, в эти минуты, я делаю настоящее, хорошее дело. Жалко, мало у нас в жизни таких минут. Из них составляется счастье».

То есть счастье для него – отдавать что-то и видеть, что это нужно людям.

«Главная задача будущего общества заключается в том, чтобы найти средство пробудить в человеке чувство собственного достоинства. Это создаст условия, при которых его внутренний мир будет заслуживать уважения. Альтернативы не существует, вера в будущее, основанная на ложной свободе и подавлении чувства собственного достоинства человека, равносильна самоубийству», – говорил ещё в одном из многочисленных интервью Андрей Тарковский.

«Нравственность есть Правда. Не просто правда, а – Правда. Ибо это мужество, честность, это значит – жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду.

Изо всех сил буду стараться рассказать правду о людях. Какую знаю, живя с ними в одно время», – писал Шукшин. Под такими словами, пожалуй, и Тарковский бы расписался. Впрочем, каждый из них говорил и писал свои слова, снимал свои фильмы...

И ещё из дневника Андрея Тарковского:

«11 декабря 1985 г., Stockholm

Болен. Лежу. Ужасно болит внутри, в легких.

Сегодня во сне видел Васю Шукшина, мы с ним играли в карты.

Я его спросил:

– Ты что-нибудь пишешь?

– Пишу, пишу, – задумчиво, думая об игре, ответил он.

А потом мы, кажется, уже несколько человек, встали, и кто-то сказал: «Расплачиваться надо» (в том смысле, что игра кончилась и надо подсчитать ее результаты)».

А может, и не только об игре в карты шла речь, а о гораздо более высокой «игре»: о жизни, творчестве, о пути, о невольном «соперничестве»? И вот – пора «подсчитать результаты». А результаты: два

художника, два мыслителя, два русских человека, проделавших свой путь к Богу и рассказавших об этом пути нам – читателям и зрителям...

Но пройти этот путь мы должны сами.

ОТ «УБИЙЦ» ДО «КАЛИНЫ КРАСНОЙ»

Я не знаю, заметил ли кто-то до меня то, о чём я сейчас буду писать. Во всяком случае, я раньше нигде не читал и не слышал... Итак: в 1956 году, студент ВГИКа (мастерская М. И. Ромма) Андрей Тарковский снимает учебный короткометражный фильм (курсовую работу) по рассказу Эрнеста Хемингуэя «Убийцы». Сценарий пишут двое: Андрей Тарковский и Александр Гордон (его одноклассник), оба и снимаются в фильме. В других ролях также их соученики. В том числе в одной из главных ролей (боксер Оле Андерсон) – Василий Шукшин. Это всё история известная, многократно описанная в биографических книгах и воспоминаниях.

Почему Тарковский взял для экранизации именно этот рассказ Хемингуэя?

Хемингуэй в то время был известным в Советском Союзе автором (не говоря уж о всемирной известности – Нобелевская премия по литературе за 1954 год). Пик его популярности в СССР придётся на 60-е годы, но, конечно, студенты ВГИКа уже были знакомы с его творчеством. Рассказ «Убийцы» (из серии рассказов о Нике Адамсе) короткий, динамичный, с легко читаемым подтекстом. Всё это, видимо, и подтолкнуло Тарковского и Гордона к тому, чтобы писать сценарий и снимать по этому рассказу.

Почему Василия Шукшина пригласил на роль шведа-боксёра? Шукшин, конечно, не гигант как в рассказе у Хемингуэя, но в фильме фактически показано лишь лицо героя. Фактурное шукшинское лицо, ещё не утончённое, как в поздних фильмах, но такое же скуластое, угловатое. И глаза, в которых отразилась тоска человека перед неизбежной смертью. Это уже молодой Шукшин отлично сыграл.

Ну и Шукшин Тарковскому не отказал, потому что пригласили они в то время (да и позже никакой вражды, конечно, не было) да и принято было друг другу на съёмках тех учебных фильмов помогать.

И фильм получился. Ромм похвалил...

О чём же рассказ Хемингуэя и фильм Тарковского?

Тем, кто не читал, – рекомендую прочитать этот совсем небольшой, но насыщенный рассказ. Здесь лишь напомним.

Двое наёмных убийц приезжают в маленький городок. Их жертва – бывший боксёр Оле Андерсон. Убийцы приходят в закусочную, где бывает боксёр и поджидают его, связав повара, посетителя (Ника Адамса), а бармена заставив выполнять их требования. Оле Андерсон не приходит, и убийцы покидают закусочную. Ник идёт в гостиницу, где живёт, уже несколько дней не выходя на улицу, бывший боксёр. Он просто лежит на кровати и отказывается что-либо предпринять, зная, что его ищут убийцы. Ник возвращается в закусочную и рассказывает об этом бармену. Вот последние строки рассказа (и фильма):

«— Что он такое сделал, как ты думаешь?»

— Нарушил какой-нибудь уговор. У них за это убивают.

— Уеду я из этого города, — сказал Ник.

— Да, — сказал Джордж. — Хорошо бы отсюда уехать.

— Из головы не выходит, как он там лежит в комнате и знает, что ему крышка. Даже подумать страшно.

А ты не думай, — сказал Джордж». (Перевод Алексея Шура).

Вот и всё.

Понятно, что бывший боксёр был замешан в каких-то бандитских делах (действие рассказа происходит в конце 20-х годов, во времена сухого закона и разгула бандитизма в США) и стал почему-то неугоден бывшим «коллегам», может, решил «завязать», может, ещё что...

А теперь давайте вспомним «Калину красную»: решившего «завязать» уголовного Егора Прокудина преследуют и убивают его бывшие дружки.

И даже в одном из эпизодов Люба (Лидия Федосеева-Шукшина) говорит Егору: «Я слышала у вас за это убивают» — «Это ты брось...», — отвечает ей Егор.

Явная переключка.

Но в первом фильме, по воле автора рассказа и сценаристов, герой Шукшина просто скрывается от убийц, и хотя уже устал прятаться и бояться, не может и не хочет принять какие-то решительные действия.

Вот этот эпизод: «Ник все глядел на рослого человека, лежавшего на постели.

— Может быть, пойти заявить в полицию?»

— Нет, — сказал Оле Андресон. — Это бесполезно.

— А я не могу помочь чем-нибудь?»

— Нет. Тут ничего не поделаешь.

— Может быть, это просто шутка?»

Нет. Это не просто шутка.

Оле Андресон повернулся на бок.

— Беда в том, — сказал он, глядя в стену, — что я никак не могу собраться с духом и выйти. Целый день лежу вот так.

— Вы бы уехали из города.

— Нет, — сказал Оле Андресон. — Мне надоело бегать от них. — Он все глядел в стену. — Теперь уже ничего не поделаешь.

— А нельзя это как-нибудь уладить?»

— Нет, теперь уже поздно. — Он говорил все тем же тусклым голосом. — Ничего не поделаешь. Я полежу, а потом соберусь с духом и выйду».

Мы так и не узнаем — выйдет Оле Андресон из комнаты или его убьют прямо на этой кровати. Но это и не имеет значения, он уже внутренне мёртв. Он уже, говоря по-боксёрски, в глубоком нокауте.

А вот герой «Калины красной», решив порвать с прошлым, едет в родные края (даже нашёл мать в соседней деревне) и не о смерти он думает, а о жизни. Он не скрывается от бандитов, потому что на своей земле он даже и смерти не боится. И когда приезжает Губошлёп с компанией, чтобы убить его, Егор Прокудин сам идёт на них. Не на убой идёт, а чтобы доказать, что не боится он их, что не победят они его, даже если убьют. И он побеждает, смертью смерть поправ.

Две роли Василия Шукшина – первая и одна из последних, пожалуй, самая значимая во всём его творчестве. Не думаю, что снимая «Калину...», а до того работая над сценарием, Шукшин хотел буквально противопоставить два выхода из почти одинаковой ситуации, но и не помнить свою первую роль он не мог.

Кстати, разумеется, готовясь к роли, он читал не только сценарий, но и сам рассказ Хемингуэя. Предположу, что читал и другие его рассказы... А ведь это время, когда и сам Шукшин писал свои первые рассказы... Не заимствование, но явные стиливые переключки, по-моему, есть: те же напряжённые диалоги, минимум описания, динамика... Другое дело, что Шукшин, конечно, писал своё и о своём... И снимал тоже своё...

Но не был он, как утверждают некоторые, угрюмым «писателем-деревенщиком», «самородком» и т. д. Он и у Ромма учился, и с Тарковским общался, и «старика Хэма» почитывал... Но всё это переплавлял в своей душе жаром своего таланта. Ну и, конечно, наполнял своим жизненным опытом.

Герои Андрея Тарковского в его последующих фильмах тоже весьма далеки от Оле Андерсона. В отличие от него, они «выходят из комнаты», чтобы пойти в «зону», взглядеться в зеркало, принести последнюю жертву ради спасения мира...

Так что начинали эти очень разные и, пожалуй, самые выдающиеся русские режиссёры своего времени с одного фильма, с одной нравственной ситуации. И оба её в своём творчестве переосмыслили, преодолели...

ОТ ТАРКОВСКОГО ДО ЕСЕНИНА

У Шукшина – Есенин,
У Тарковского – Тарковский.
Полюса.

Арсений Тарковский и Сергей Есенин – два полюса русской поэзии. Как Андрей Тарковский и Василий Шукшин – два полюса русского кино.

...Именно строки из стихотворения Есенина читает освободившийся из тюрьмы герой «Калины красной» Егор Прокудин. Он не смог вспомнить всё стихотворение, но Василий-то Шукшин знал его и совершенно сознательно именно его вставил в фильм.

* * *

*Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.
Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть...*

*Здравствуй ты, моя чёрная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!
Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.
Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться, и пропадать.
Пусть для сердца тягучее колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.
Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуного недруга
Раздирают на части клыки.
О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даёшься ножу!
Как и ты, я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.
Как и ты, я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.
И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарююсь в снегу...
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропеют мне на том берегу.*

Да ведь здесь вся идея шукшинского фильма! Даже и сюжет просматривается. Гибельная схватка крестьянина и «горожанина», таинственного древнего мира и современной технической мертвечины... «Город, город, ты в схватке жестокой // Окрестил нас как падаль и мразь...» Это же почти точные слова убийцы из «Калины...» о крестьянине Прокудине (помните «интеллигентного», по-городскому одетого Губошлёпа?): «Он человеком никогда не был. Он мужик...»

«Здравствуй ты, моя чёрная гибель,

Я навстречу к тебе выхожу...» – ведь понимая это, и идёт на него Егор... И умирает на родной земле, но как и в стихотворении: «Всё же песню отмщенья за гибель...» пропели на том берегу...

В документальных кадрах фильма (это воспоминание героя) звучит песня на стихотворение «Письмо матери» («Ты жива ещё, моя старушка...») Да и берёзки Егор Прокудин обнимал вполне по-есенински.

Именно Есенин был наиболее близким, выражающим душу «современного Разина» (Прокудин если и не Разин, то уж точно – один из разинских атаманов) поэтом. Ну и, разумеется, душу самого Шукшина, нёсшего в себе и судьбу расстрелянного за антисоветский мятеж отца...

Читал ли, знал ли Шукшин стихотворение Николай Рубцова? Во всяком случае, ощущал Есенина он примерно так же:

*Слухи были глупы и резки:
Кто такой, мол, Есенин Серега,
Сам суди: удавился с тоски
Потому, что он пьянствовал много.*

*Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!*

*Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!*

*Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.*

Есенин выразил судьбу именно поколения отца Шукшина, когда «живых коней победила стальная конница».

Ещё один шукшинский герой выразил отношение к Есенину – священник из рассказа «Верую».

Об этом рассказе и том священнике разговор отдельный, сейчас же – только вложенные в уста того странного священника слова о Сергее Есенине:

«Вот жалеют: Есенин мало прожил.

Ровно – с песню. Будь она, эта песня, длинней, она не была бы такой шемащей. Длинных песен не бывает... – И далее: – Милый, милый!.. Любил крестьянина!..»

Есенин любил и жалел крестьянина, отразил в своём творчестве «вёрсты все потрясённой земли», погиб в схватке мира таинственного и древнего с миром холодного расчёта... Этим он дорог Шукшину.

Знал ли Шукшин поэта Арсения Тарковского? Не лично, конечно, а его стихи? Почти наверняка знал. Ведь несколько лет учился вместе с Андреем, довольно тесно общался... Не мог не знать. Но мог ли «интеллигентный поэт» Тарковский быть близок Шукшину? Какие-то стихи могли нравиться, но близок был Есенин.

Ну, а для Андрея Тарковского – поэт Арсений Тарковский неизбежность. Если Есенин отразил судьбу отца Шукшина. То Арсений – был отцом Андрея, причём отцом, которого он не часто видел, который всегда был чем-то отдалённо-возвышенным... Отец-поэт со своей непростой жизненной и творческой судьбой.

Если герой Шукшина Егор Прокудин вспоминает строки про то, как «сдавили шею деревни жилистые руки шоссе». То Сталкер читает «Вот и лето прошло...» (популярная лёгкая песенка, написанная на эти стихи не отражала их глубину).

*Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.*

*Всё, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло.
Только этого мало.*

*Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Всё горело светло.
Только этого мало.*

*Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.*

*Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло.
Только этого мало.*

Так уж везло поэту, соединившему жизнью и творчеством серебряный век русской поэзии с днём нынешним, знакомому близко или шапочно с большинством представителей русской литературы (а как переводчику и не только русской), так уж везло ему, что только в возрасте за пятьдесят появился первый его сборник стихов... У поэта ставшего классиком...

Василий Шукшин, стараясь разузнать свою родословную, только и выяснил, что предки его, конечно же, крестьяне, пришли на Алтай откуда-то с Волги...

Андрей Тарковский без подробностей, но знал, что род их дворянский (скорее всего, польского шляхетского происхождения, но есть версия и о кавказской княжеской линии).

Они оба несли в себе судьбы своих отцов и в своём творчестве использовали стихи, отражавшие эти судьбы. А значит, и судьбы народа. Всего народа – от одного его полюса до другого.

ТАРКОВСКИЙ – ШУКШИН: ОТ АНДРЕЯ РУБЛЕВА ДО СТЕНЬКИ РАЗИНА

От Рублёва до Разина –
Русский размах...

Андрей Тарковский начинал свой путь в кино с обращения к личности монаха-иконописца, будущего святого, Андрея Рублева. Заявку руководству «Мосфильма» на фильм о нём Тарковский подал в 1961 году, то есть до «Иванова детства». Договор был заключён в 1962 году. 18 декабря 1963 года был принят литературный сценарий, а 24 апреля 1964 года он был запущен в режиссёрскую разработку. В 1966 году фильм был снят. Первоначальное название – «Страсти по Андрею». Фильм состоит из восьми главок-новелл и охватывает почти четверть века. Первая главка – «Скоморох» – датирована 1400 годом, последняя – «Колокол» – 1423 годом.

Василий Шукшин едва ли не с детства был поражён личностью атамана Степана Разина... Фильм снять не успел, но написал сценарий и роман о нём. Был ещё и рассказ «Стенька Разин», своеобразно показывающий народное (и личное шукшинское) отношение к Разину.

Но и снятый фильм Тарковского и задуманный фильм Шукшина – это не исторические фильмы. Это фильмы о человеке в исторических обстоятельствах. Фильмы о личности, причём личности увиденной Тарковским и Шукшиным.

Для Тарковского Рублёв не монах, прежде всего, а художник, творец. Тарковскому важно показать его, художника, внутренний мир, то, как он охранял и сохранял этот внутренний мир в страшных внешних обстоятельствах русского средневековья. В Рублёве, показанном Тарковским, много от личности отца-поэта, много личного, не случайно и первоначальное название фильма – не «Андрей Рублёв», а «Страсти по Андрею»...

Взгляд Шукшина на Разина – тоже взгляд не историка (хотя исторические детали, что подтверждали историки-консультанты, Шукшин создавал достоверные). Степан Разин у него не столько атаман, разбойник и предводитель народного войска, сколько – человек, решившийся противостоять системе, «проломить» её. Не случайно имя атамана уходит из названия романа и остаётся только: «Я пришёл дать вам волю».

Казалось бы, разные режиссёры выбрали разных персонажей для передачи своих, тоже разных, взглядов на мир, на творчество, на жизнь:

Андрей Рублёв у Тарковского должен был сохранить себя, своё мироощущение художника, свою индивидуальность в тех условиях, чтобы создать свои работы (к чему всю жизнь и стремился Андрей Тарковский); а Разин у Шукшина должен был отречься от себя и раствориться в народе, отдать себя народу (к чему явно шёл и сам Василий Шукшин), чтобы народ помнил, что можно быть свободным, можно не бояться «государства», уважать себя...

И вступительная (и даже кажется не связанная с остальными событиями) новелла фильма «Андрей Рублёв – о «летающем мужике» в

исполнении оригинальнейшего поэта своего времени Николая Глазкова – это ведь тоже, что и разинское желание хоть недолго, хоть на мгновение, но быть свободным, вольным, а потом, хоть и разбиться!

Кстати, и выбор не профессионального актёра, а поэта Николая Глазкова на эту роль, открывающую фильм, – не случайность же. Впрочем, это не первая роль в кино для Глазкова: впервые он снялся ещё в масковке сцены ледового побоища в фильме «Александр Невский», а уже в пятидесятые годы в эпизодах в фильмах «Вольница» и «Илья Муромец».

Вот два стихотворения Николая Глазкова:

* * *

*Лез всю жизнь в богатыри да в гении,
Небывалые стихи творя.
Я без бочки Диогена диогеннее:
Сам себя нашел без фонаря.*

*Знаю: души всех людей в ушибах,
Не хватает хлеба и вина.
Даже я отрекся от ошибок
– Вот какие нынче времена.*

*Знаю я, что ничего нет должного...
Что стихи? В стихах одни слова.
Мне бы кисть великого художника:
Карточки тогда бы рисовал.*

*Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый – век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней!*

* * *

*Когда грузил баржу, немало
Тяжелых бревен перенес,
И мне вода напоминала
Стволы развернутых берез.
И мир во всем многообразии
Вставал, ликуя и звеня,
Над Волгой Чкалова и Разина,
И Хлебникова, и меня!*

Под последними строчками, пожалуй, и Шукшин подписался бы!.. Да, Глазкову – вечному отщепенцу от официоза, с фигурой изголодавшегося богатыря, вполне бы нашлось место в разинском воинстве...

Вероятно, Тарковский был знаком с поэзией Глазкова (почти наверняка), хотя на выбор его для роли, конечно, повлияли не стихи, а «фактура» – высокая, широкоплечая, мосластая фигура, большое удлинённое лицо... Но ведь личность неразъединима: в глазах Глазкова – сумасшедшинка его стихов и его вечное желание не быть в общем ряду,

сохранить в себе – себя. И Тарковский своё художническое поведение выстраивает так (конечно, независимо от Глазкова) – одиноко, отдельно.

А Шукшин именно стремится слиться с этим морем народным. Неслучайно же он полушутливо, но предлагал писателю Василию Белову роль мужицкого предводителя в разинском войске – Матвея. Белов отказался, да и фильм не состоялся, но сам факт – характерен...

Насилие «государства» над носителями языческих обрядов и поведения: избиение и арест скомороха, разгон стражниками языческого праздника Ивана Купалы; ослепление по приказу князя артели резчиков по камню, княжеская междоусобица, в результате которой татарская орда захватывает Владимир, грабит православные храмы... И даже убийство человека, пусть и ради спасения другого человека, – вот через какой страшный опыт проводит режиссёр Андрей Тарковский своего героя иконописца Андрея Рублёва и приводит его к обету молчания, ради снятия греха убийства...

Сыграл Рублёва актер Анатолий Солоницын... Увидев сценарий в журнале, он сам приехал на пробы и был утверждён на главную роль, а затем стал и неизменным актёром в фильмах Тарковского до своей смерти...

Уже бросив работу в театре ради кинопробы (он ведь не знал, будет ли утверждён) – он совершил подвиг. А потом ещё и молчал четыре месяца, чтобы во время съёмок эпизода нарушения обета молчания, голос был сиплым.

Последняя новелла «Андрея Рублёва» – «Колокол». Это рассказ о юноше Бориске (актёр – юный тогда Николай Бурляев), сыне мастера-литейщика, который был вынужден, ради сохранения жизни, сказать, что знает секрет литья колоколов и по приказу князя взялся за отливку огромного колокола, управляя работой артели в сотню человек... И то, что колокол в срок был отлит и поднят на звонницу, а самое главное – зазвучал, стало настоящим чудом, свидетелем которого стал Андрей Рублёв. И он нарушает обет молчания словами, обращёнными к Бориске: «Вот и пойдём мы с тобой вместе. Ты колокола лить, я иконы писать...»

Андрей Рублёв, став свидетелем чуда, нарушает обет ради творчества.

Насколько это православная позиция? Сложно сказать. Да и стремился ли Тарковский показать именно православную позицию? Нет, всё-таки это взгляд художника на художника. И иконы в самом конце фильма – это ряд того, что создал художник. И всё же духовный и православный заряд в фильме есть, потому что творчество само по себе – духовно, оно отражение человеческого подобия Богу.

Василий Шукшин мечтал сделать фильм о народном герое, не успел... Хотя нет, снял он фильм про Степана Разина... Да, да. Ведь в фильме «Странные люди» (1969 г.) одна из новелл сделана по рассказу «Стенька Разин», написанному в начале 60-х (впервые опубликован в 1962-м)... Сценарий «Конец Разина» был написан в 1968 году, роман окончен в 1969-м...

Новелла в странных людях – не моральная ли компенсация самому себе за не снятый пока (он был уверен, что ещё снимет) большой фильм о народном вожде.

Но это и рассказ о художнике (именно то, о чём в своём фильме говорил Тарковский), который отстаивает своё внутреннее право на то, чтобы быть не таким, как все. Это и рассуждение Шукшина, для чего человеку талант дан. В его случае, чтобы рассказать людям о человеке, «пришедшем дать им волю» (у Тарковского фильм о художнике, который говорит об иной «воле», ибо он иконописец).

... А ведь Шукшин о себе – о своей судьбе художника написал-то (недаром тут и имя именно Васека – Василий)! Это ему, Василию Шукшину, как многим и многим «талантам из народа», надо было сохранить и развить в себе художнический дар в обычной сельской среде, среди учеников техникума, на флотской службе, да и между более образованными (формально) однокурсниками ВГИКа...

Главный герой рассказа (и новеллы в фильме) – непутёвый деревенский парень Васека, одинокий, непонимаемый практичными земляками: «– Непонятный ты все-таки человек, Васека. Почему ты так живешь? – интересовались в конторе.

Васека, глядя куда-то выше конторщиков, пояснял кратко:
– Потому что я талантливый».

Талант его обнаружился в вырезании фигурок из дерева.

Сосед – учитель истории Захарыч – много рассказывал ему о Стеньке Разине, и Васека увлёкся, взялся вырезать фигуру атамана. Вернее, Разиным он увлёкся раньше – по песне, по тем же, может, урокам истории в школе, а потом уж учитель рассказал ему более подробно историю разинского бунта... Собственно, так и у самого Шукшина было: с детства заинтересовался, с услышанной песни. В фильме Анатолия Заболоцкого «Слово матери» (1978 г.) мать Василия Шукшина рассказывает, как он переписывал слова песни «Из-за острова на стрежень». И потом все рассказы и разговоры о Разине впитывал, а затем уже и серьёзные книги читал, консультировался со специалистами историками и представителями церкви...

Но вернусь к рассказу «Стенька Разин», приведу цитату:

«Захарыч, как его называл Васека, был добрейшей души человек. Это он первый сказал, что Васека талантливый. Он приходил к Васеке каждый вечер и рассказывал русскую историю. Захарыч был одинок, тосковал без работы. Последнее время начал попивать. Васека глубоко уважал старика. До поздней ноченьки сиживал он на лавке, поджав под себя ноги, не шевелился – слушал про Стеньку.

–... Мужик он был крепкий, широкий в плечах, легкий на ногу... чуточку рябоватый. Одевался так же, как все казаки. Не любил он, знаешь, разную там парчу... и прочее. Это ж был человек! Как развернется, как глянет исподлобья – травы никли. А справедливый был!.. Раз попали они так, что жрать в войске нечего. Варили конину. Ну и конины не всем хватало. И увидел Стенька: один казак совсем уж отощал, сидит у костра, бедный, голову свесил: дошел окончательно. Стенька толкнул его – подает свой кусок мяса. «На, – говорит, – ешь». Тот видит, что атаман сам почернел от голода. «Ешь сам, батька. Тебе нужнее». – «Бери!» – «Нет». Тогда Стенька как выхватил саблю – она аж свистнула в воздухе: «В три господа душу мать!.. Я кому сказал: бери!» Казак съел мясо. А?.. Милый ты, милый человек... душа у тебя была.

Васека, с повлажневшими глазами, слушал.

– А княжну-то он как! – тихонько, шепотом, восклицал он. – В Волгу взял и кинул...

– Княжну!.. – Захарыч, тщедушненький старичок с маленькой сухой головой, кричал: – Да он этих бояр толстопузых вот так покидывал! Он их как хотел делал! Понял? Сарынь на кичку! И все».

И вот Васека доделал свою работу:

«Вот что было на верстаке:

...Стеньку застали врасплох. Ворвались ночью с бессовестными глазами и кинулись на атамана. Стенька, в исподнем белье, бросился к стене, где висело оружие. Он любил людей, но он знал их. Он знал этих, которые ворвались: он делил с ними радость и горе. Но не с ними хотел разделить атаман последний час свой. Это были богатые казаки. Когда пришлось очень солоно, они решили выдать его. Они хотели жить. Это не братва, одуревшая в тяжком хмелю, вломилась за полночь качать атамана. Он кинулся к оружию... но споткнулся о персидский ковер, упал. Хотел вскочить, а сзади уже навалились, заламывали руки... Завозились. Хрипели. Негромко и страшно ругались. С великим трудом приподнялся Степан, успел прилобанить одному-другому... Но чем-то ударили по голове тяжелым... Рухнул на колени грозный атаман, и на глаза его пала скорбная тень.

«Выбейте мне очи, чтобы я не видел вашего позора», – сказал он.

Глумились. Топтали могучее тело. Распинали совесть свою. Били по глазам...

Захарыч долго стоял над работой Васеки... не проронил ни слова. Потом повернулся и пошел из горницы...»

Да ведь в этом рассказе уже всё: и будущий сценарий, и роман...

И всё-таки – это были лишь подступы к роману и будущему фильму... Василию Шукшину ещё предстояло сделать-то, что сумел сделать герой его рассказа – Васека.

В конце 60-х Шукшин пишет и публикует в журнале «Сибирские огни» роман «Любавины» – о событиях 20-х годов на Алтае...

В бумагах Шукшина сохранилась рабочая запись периода работы над «Любавиными»: «О романе. Хотелось бы (если хватит сил, времени и еще кое-чего) проследить историю крестьянства (сибирского) до наших дней. В традициях реализма.

Всякое явление начинает изучаться с истории. Предыстория – история. Три измерения: прошлое – настоящее – будущее – марксистский путь исследования общественной жизни».

В интервью корреспонденту «Литературной газеты» Шукшин говорил: «На одном из исторических изломов нелёгкой судьбы русского крестьянства в центре был Степан Разин... Как только захочешь всерьёз понять процессы, происходящие в русском крестьянстве, так сразу появляется непреодолимое желание посмотреть на них оттуда, издалека. И тогда-то возникает глубинная, нерасторжимая, кровная связь – Степан Разин и российское крестьянство».

Именно эта работа натолкнула его на необходимость понять предысторию событий Гражданской войны. А предыстория: это переселение предков Шукшина на Алтай.

«...Завидую моим далеким предкам, – писал Шукшин уже в 1973 году, – их упорству, силе огромной. Представляю, с каким трудом проделали они этот путь – с Севера Руси, с Волги, с Дона на Алтай...»

Уже после смерти Шукшина исследователи подтвердили архивными документами, что предки его переселились на Алтай из Самарской губернии. Подтвердилось поволжское происхождение рода. А Поволжье – места разинского восстания...

В 1966 году Шукшин пишет заявку на литературный сценарий «Конец Разина».

1 января 1967 года в газете «Молодежь Алтая» Шукшин рассказывает о своей работе:

«Меня давно привлекал образ русского национального героя Степана Разина, овеянный народными легендами и преданиями. Последнее время я отдал немало сил и труда знакомству с архивными документами, посвященными восстанию Разина, причинам его поражения, страницам сложной и во многом противоречивой жизни Степана. Я поставил перед собой задачу: воссоздать образ Разина таким, каким он был на самом деле.

Сейчас я завершаю работу над сценарием двухсерийного цветного широкоформатного фильма о Степане Разине и готовлю материалы для романа, который думаю завершить к трехсотлетию разинского восстания. А несколько раньше на экраны выйдет фильм, к съемкам которого я думаю приступить летом 1967 года.

Каким я вижу Разина на экране? По сохранившимся документам и отзывам свидетелей, представляю его умным и одаренным – недаром он был послан Войска Донского. Вместе с тем поражают противоречия в его характере. Действительно, когда восстание было на самом подъеме, Разин внезапно оставил свое войско и уехал на Дон – поднимать казаков. Чем было вызвано такое решение? На мой взгляд, трагедия Разина заключалась в том, что у него не было твердой веры в силы восставших.

Мне хочется в новом фильме отразить минувшие события достоверно и реалистично, быть верным во всем – в большом и малом. Если позволит здоровье и сила, надеюсь сам сыграть в фильме Степана Разина».

Сценарий был написан и напечатан в журнале «Искусство кино» в 1968 году. Работа над романом была завершена в 1969 году. С января 1971 года роман о Разине публикуется в «Сибирских огнях». Решение о запуске фильма было принято дирекцией «Мосфильма» в сентябре 1974 года. В последних числах сентября Шукшин, снимавшийся в то время в картине С.Ф. Бондарчука «Они сражались за Родину», узнал о положительном решении студии. Поначалу писатель не соглашался на съемки в этом фильме, готовясь к собственному – о Степане Разине. Однако руководство Госкино поставило условием своего согласия его участие в проекте Бондарчука. В ночь на 2 октября 1974 года писатель умер от сердечного приступа.

Поздней осенью 1974-го года роман «Я пришёл дать вам волю» был опубликован отдельной книгой в издательстве «Советский писатель».

Фильм о Степане Разине и крестьянской войне под его водительством Василий Шукшин так и не снял...

Итак – две исторических фигуры: Андрей Рублёв и Степан Разин; два художника-режиссёра: Андрей Тарковский и Василий Шукшин... Два подхода к одной теме – русский человек (художник или народный герой) на историческом изломе; и вместе с ним весь русский народ на изломе... Но ведь на изломе и сами Шукшин и Тарковский – всю жизнь пробивавшие свои фильмы, отстаивавшие своё художественное самостояние... Как там у Николая Глазкова: «Чем столетье интересней для историка, тем для современника печальней...»

В печальное время жили, а подарили нам надежду: Рублёв и Разин, Шукшин и Тарковский. Они сказали о том, что человек должен быть свободен и уважать в себе и в других свободного человека.

ШУКШИН – ТАРКОВСКИЙ: ВЕРЮЮ?

Начну сразу с вывода: Шукшин – народная вера, со всеми её суевериями. Тарковский – вера интеллигентская, книжная, от начитанности, но и со всеми интеллигентскими «духовными» увлечениями: Джуна, йога, медитации.

Всё почти так... Так, да не так... Всё-таки, оба пришли к истинной вере... Или нет?

Рассказ Шукшина «Верую» (1970 г.) как раз о неверии... А о чём?

На главного героя рассказа Максима Ярикова «по воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая...»

«... – Но у человека есть также – душа! Вот она, здесь, – болит! – Максим показывал на грудь. – Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую – болит...» – объясняет Максим жене (и не может объяснить).

Заметил ли сам Шукшин, понял ли, тоска-то нападает на человека именно по воскресеньям, когда в церковь к Богу надо идти? И ведь почти туда он и идёт – не в церковь, но к священнику...

Не знает человек, куда душу пристроить, ищет... А находит неверующего попа. Ну, это уже частный случай...

Главный герой рассказа не поп, «верующий в механизацию сельского хозяйства», а Максим Яриков – у него болит душа. И не вина, а беда его, что воспитан (официально – школой, газетами) он уже бы в советское время, при официальном атеизме. И всё-таки, как любой русский человек, он знает (откуда? – от молитв бабушки и матери, от русской литературы, которую учил же в школе), что тоска душевная лечится верой... (А «заливается» водкой).

Вот какой у них разговор:

«... – Ты спросил: отчего болит душа? Я доходчиво рисую тебе картину мироздания, чтобы душа твоя обрела покой. Внимательно слушай и постигай. Итак, идея Христа возникла из желания победить зло. Иначе – зачем? Представь себе: победило добро. Победил Христос... Но тогда – зачем он нужен? Надобность в нем отпадает. Значит, это не есть нечто вечное, непреходящее, а есть временное средство, как диктатура пролетариата. Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет. Я говорю ясно: хочу верить в вечное

добро, в вечную справедливость, в вечную Высшую силу, которая все это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что сила эта – победит. Иначе – для чего все? А?

Где такая сила? – Поп вопросительно посмотрел на Максима. – Есть она?

Максим пожал плечами:

– Не знаю.

– Я тоже не знаю».

А должен бы знать священник-то, должен...

Яриков и сам понял, что это «не такой поп»:

«– Ты прости меня... Можно, я одно замечание сделаю?

– Валяй.

– Ты какой-то... интересный поп. Разве такие попы бывают?»

В священнике Яриков находит такого же с беспокойной душой, но не верящего в Бога человека. Беспокойность эта и в любви к родине, к крестьянству, к Есенину как их выразителю...

Вот что поп говорит (шукшинское высказывает):

«– Вот жалеют: Есенин мало прожил. Ровно – с песню. Будь она, эта песня, длинней, она не была бы такой щемящей. Длинных песен не бывает.

– А у вас в церкви... как заведут...

– У нас не песня, у нас – стон – *(нет, не стон – молитва. – Д. Е.)*. – Нет, Есенин... Здесь прожито как раз с песню. Любишь Есенина?

– Люблю.

– Споем?

– Я не умею.

– Слегка поддерживай, только не мешай. – И поп загудел про клен заледенелый, да так грустно и умно как-то загудел, что, и правда, защемило в груди. На словах «ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий» поп ударил кулаком в столешницу и заплакал и затряс гривой.

– Милый, милый!.. Любил крестьянина!.. Жалел! Милый!.. А я тебя люблю. Справедливо? Справедливо. Поздно? Поздно...»

Вот Есенин, с его больной душой и изломанной верой («Стыдно мне, что я в Бога верил...» и т. д.) – ему близок. Да он и всем нам близок, вот тут типичное поймал Шукшин. Но молитву не заменит даже и слёзная родная и любимая есенинская песня...

Вспоминается тут и Рубцов: «Боюсь, что над нами не будет таинственной силы...» И далее: «Отчизна и воля, останьтесь моё божество...»

Вот, пожалуй, и Шукшин так, абстрактно, в Отчизну и волю верил... Но искал, вместе с Максимом Яриковым искал (имя и фамилию-то какие выбрал – максимально и яростно, вот так и искал он правду для души).

Заканчивается рассказ – яростной пляской с частушками... И никакого ответа на запрос души Максима Ярикова, потому что и не может это быть ответом... Только ещё сильнее болеть будет...

Вольно или невольно (скорее – невольно) Шукшин показал, что без истинной веры в Бога ждёт нас, русских, вечная болезнь души, с пьяными частушками и покаяниями в пустоту (пьяная исповедь и покаяние в предательстве в начале рассказа – это же пародия на церковную

исповедь и покаяние). Потому что истинные-то свои грехи Максим и не считает за грехи. А душа болит...

«Верую» – рассказ о больной душе, о пути к вере.

В рассказе «Залётный» – Саня Неверов тоже «замена» священника. Он сам – несостоявшийся художник с большой душой, но умеет выслушать мужиков (таких, как Максим Яриков)... Но ничем он им не может помочь. И ждёт его страшная, без веры, смерть... Смерть – предупреждение...

Вот ещё один рассказ Шукшина – «Мастер».

Если у Максима Ярикова душа болела от непонятной тоски, то у героя этого рассказа, деревенского умельца, столяра и плотника Сёмки душа болит от гибнущей красоты... Он будто бы впервые увидел и понял замысел мастера при строительстве церкви: с восходом солнца освещается и начинает сиять церковная стена...

«... стоит в зелени белая красавица – столько лет стоит! – молчит. Много-много раз видела она, как восходит и заходит солнце, полоскали ее дожди, заносили снега... Но вот – стоит. Кому на радость? Давно уж истлели в земле строители ее, давно стала прахом та умная голова, что задумала ее такой, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть земля, горсть земли. О чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величил или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, тот норовит поближе к большим дорогам или вовсе на людную городскую площадь – там заметят. Этого заботило что-то другое – красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо...»

Вот о чём думает Сёмка, а вместе с ним Василий Шукшин и его читатели...

О вере ли этот рассказ? Больше, наверное, о предназначении всякого мастера, художника... Но разве это не о Боге?..

И пусть церковь оказалась не старинной, и «задумка» мастера – всего лишь случайность. Сёмка красоту увидел, задумался о ней – это уже много.

«Крепкий мужик» – наоборот, о разрушение церкви. Будто иллюстрация к словам Рубцова «...Но жаль мне разрушенных белых церквей»...

Желание «крепкого мужика» Кольки Шурыгина показать всем свою силу, покуражиться – от чего? От душевной пустоты. Ну, показал силу, разрушил церковь... И тут оказалось, что нужна она была, пусть и закрытая, заброшенная, многим, в том числе и матери Кольки...

«Шел, злился: «Ведь все равно же не молились, паразитки, а теперь хай устраивают. Стояла – никому дела не было, а теперь хай подняли».

Вот старухи-то не о красоте жалели (или не только о ней)... Для них церковь – символ веры.

Мать «крепкому мужику говорит: «– Колька, идол ты окаянный, грех-то какой взял на душу!.. И молчал, ходил, молчал, дьяволина... Хоть бы заикнулся раз – тебя бы, может, образумили добрые люди. Ох горе ты мое горькое, теперь хоть глаз не кажи на люди. Проклянут ведь

тебя, проклянута-ут! И знать не будешь, откуда напасти ждать: то ли дома окочурился в одночасье, то ли где лесиной прижмет невзначай...»

В итоге рассказа о «крепком мужике»: вместо церкви – груда кирпичей, вместо молитвы – дурацкая припевка: «оп, тир-дар-пупия»... Разве это не шукшинская беспокойная совесть, не поиски веры?

Так практически во всех его рассказах: беспокойная совесть, больная душа, поиски веры...

И всё это, пожалуй, полнее всего выразилось в повести и фильме «Калина красная»: и больная совесть, и поиск «праздника для души», и страдания «блудного сына», и тоска по красоте (берёзки!), и «русская тоска» (Есенин!) – всё-всё в этом фильме, в судьбе Егора Прокудина...

Всё-таки, пусть и не успев снять главный (как он думал) свой фильм о Разине, Василий Шукшин успел сказать в «Калине красной» о невозможности жить человеку без веры... То есть – без Бога. И вопль Егора: «Прости меня, Господи!» – это и вопль самого Шукшина, и отзывается он в каждой душе живой...

В фильме «Покаяние» из цикла «Библейские сюжеты» приводится такой эпизод (без ссылки на источник, но, видимо, по чьим-то воспоминаниям): в апреле 1974 года («Калина красная» триумфально шагала по экранам кинотеатров) Шукшин лежал в больнице и «старая знакомая» по фамилии Григорьева (имя я не расслышал и кто она – не понял) принесла Шукшину Евангелие. Через некоторое время он ответил ей письмом, в котором были такие слова: «Куда же в России без Христа. Верую. Верую, как в детстве учила меня мать: в Отца, Сына и Святого Духа!»

Это не то «верую», что в рассказе...

Ходил ли он в церковь, соблюдал ли обряды? Я таких свидетельств не знаю. Думаю, что пришёл бы, поживи ещё, и к соблюдению обрядов, к воцерковлению, как случилось это с его другом, тоже прошедшим трудный путь к вере, писателем Василием Беловым...

Свой путь к вере был у Андрея Тарковского.

Всю жизнь он искал истину, искал путь, по которому должен идти человек к истине. Все его фильмы об этом.

Вот он говорит в одном из интервью: «Я делал свою первую картину «Иваново детство» и, по существу, не знал, что такое режиссура. Это был поиск совершенно ощупью. Я шел, пробовал, искал какие-то моменты соприкосновения с поэзией. И после этой картины я вдруг почувствовал, что при помощи кино можно что-то сделать, можно прикоснуться к духовным субстанциям собственной души».

Итак: кино – способ прикоснуться к душе. Эта необходимость была в нём с самого начала...

И далее: «Прежде чем строить концепцию, в частности, взгляд на искусство, надо прежде всего ответить на другой вопрос, гораздо более важный и общий: зачем живет человек, в чем смысл человеческого существования? Мне кажется, мы должны использовать наше пребывание на земле, чтобы духовно возвыситься. А это означает, что искусство должно помочь нам в этом. В силу того, что смысл человеческого существования я понимаю таким образом, мне кажется, что искусство должно помогать человеку развиваться в этом направлении. То есть,

короче говоря, искусство служит человеку тем, что помогает ему духовно измениться, вырасти».

Духовно вырасти. Куда? Во что?

«... Но художник существует постольку, поскольку мир, так сказать, неустроен, мир неблагополучен. И, видимо, именно поэтому-то и существует искусство. Если бы мир был прекрасен и гармоничен, то искусство, наверное, было бы не нужно. Человек бы не искал гармонии в побочных, так сказать, занятиях, он жил бы гармонично, и этого было бы ему достаточно. По-моему, искусство существует только потому, что мир плохо устроен. И вот именно об этом рассказывается в моем «Рублеве». Поиски гармонии, поиски смысла жизни, как он выражается в гармонических соотношениях между людьми, между искусством и жизнью, между сегодняшним временем и историей прежних веков, – этому, собственно, и посвящена моя картина...»

Долг художника понятен из этих слов. Но если художник ошибается?

Впрочем, если ошибается искренне, преодолевает ошибки, мучается и заставляет это же делать и зрителя – да простится ему...

Ведь в «Солярисе» всё то же, что и в «Калине...» – блудный сын, беспокойная совесть, покаяние...

«Меня интересовало: способен ли человек жить в нечеловеческих условиях и остаться человеком? И герой фильма, и герой романа Лема интересовали меня постольку, поскольку он для меня должен остаться человеком, несмотря на то, что находится в нечеловеческих условиях, в нечеловеческой ситуации», – говорит Тарковский о своём фильме. Но разве не об этом же «Калина...»: человек поставлен в нечеловеческие условия преступной жизни, лагеря, ухода из дома... И вот он должен остаться человеком или вернуться к себе человеку...

«Сталкер» – не путь ли к тому же через «фантастику», к чему шёл вместе с Андреем Рублёвым – к Троице?

«Жертвоприношение» – не принесение ли себя в жертву ради человечества?

Ну а «Калина красная» Шукшина – разве не жертвоприношение?..

Из интервью Андрея Тарковского, которое он дал в Лондоне в 1983 году: «Мы ставим перед собой... проблемы, стараемся их решать и при этом думаем, что спасаем современный мир, который находится в кризисе. Но мы заблуждаемся. По-моему, это даже очень опасно – заниматься такими проблемами, потому что они отвлекают нас от главной задачи, от борьбы за духовность.

Борьба за духовность ведется во всех направлениях. Это понимает каждый. Каждый, даже совсем необразованный, но духовно развитый человек понимает... Он бережет свой внутренний духовный мир. Это очень важно. Мы хотим жить, понимая смысл жизни и выполняя свой жизненный долг на этой земле, но часто нам это не удается. Мы еще слишком слабы. Но важно выбрать путь и следовать ему...»

Но что он называл словом «духовность»? Из его дневников, из воспоминаний можно увидеть, что увлекался он медитативными практиками, близко был знаком с Джуной... Но ведь и жил поэзией, и хорошо знал русскую историю, и читал Евангелие...

В конце 1985 года, после завершения фильма «Жертвоприношение» в Швеции, Андрей Тарковский возвратился во Флоренцию. Он уже был тяжело болен. В этот последний год жизни его часто навещал отец Силуан из православного монастыря Преподобного Серафима Саровского, исповедовал и причащал.

Незадолго до смерти Андрея Тарковские переехали во Францию. Там он и скончался 29 декабря 1986 года, был отпет по православному чину и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Оба – и Шукшин, и Тарковский – безусловно, пришли к православной вере. Каждый своим непростым путём...

Дмитрий Анатольевич ЕРМАКОВ
г. Вологда

